

вали радостно какъ армія, такъ и всѣ обитатели мѣстечекъ, чрезъ которыя намъ приходилось проѣзжать по пути. За отсутствіемъ удобной позиціи мы продолжали 20-го августа отступленіе по большой Смоленской дорогѣ и подошли 22-го августа къ Бородину съ нашими двумя соединенными арміями, въ которыхъ насчитывалось однако не болѣе 90.000 человѣкъ“.

У Наполеона было 130.000 штыковъ и сабель, но 20.000-й гвардіи Наполеонъ не пустилъ въ дѣло. На нашей сторонѣ былъ крупный перевѣсъ въ главномъ огнестрѣльномъ оружіи эпохи, въ артиллеріи; мы имѣли 640 орудій противъ 587 французскихъ. Недаромъ Пушкинъ, вспоминая Бородинскій бой, сказалъ:

„Но стали жъ мы пятою твердой
И грудью приняли напоръ

Племень, послушныхъ волѣ гордой,
И равень былъ неравный споръ“.

Далѣе графъ Беннигсенъ говоритъ: „Я поѣхалъ впередъ, чтобы произвести рекогносцировку позицій отъ Гжатска до Москвы; въ представленномъ мною князю Кутузову донесеніи я не говорилъ о Бородине, какъ о выгодной позиціи, но полковникъ Толь, назначенный главнокомандующимъ на должность генераль-квартирмейстера, избралъ ее для сраженія. — Толь овладѣлъ умомъ князя Кутузова, которому его тучность не позволяла самому производить рекогносцировку мѣстности ни до сраженія, ни послѣ него. Взгляните на планъ этого сраженія. Обратите прежде всего вниманіе на огромное пространство, которое занимали наши войска. Отъ послѣдней батареи на нашемъ правомъ флангѣ до крайней батареи на лѣвомъ флангѣ, или до 3-го корпуса, ко-

Генераль-лейтенантъ
баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь.

торымъ командовалъ Тучковъ, стоявшая на старой Смоленской дорогѣ, было болѣе 10 верстъ, такъ что войска или резервы, находившіеся на одномъ флангѣ, или хотя бы даже въ центрѣ, не могли подойти своевременно, чтобы поддержать другое крыло, что и случилось 26-го августа, несмотря на то, что непріятель еще 24-го августа выказалъ намѣреніе атаковать нашъ лѣвый флангъ.

Я высказалъ свое мнѣніе Кутузову, но все осталось по-старому. Было приступлено къ сооруженію батарей.

„24-го августа Наполеонъ подошелъ со своей арміей, по новой и старой Смоленской дорогѣ, къ нашему лѣвому флангу и отбѣснилъ нашъ аррьергардъ, которымъ доблестно и успѣш-

но командовалъ во время этого отступленія генералъ Коновницынъ, поддержанный генераломъ Уваровымъ. Всѣ эти войска построились въ линію, и полковникъ Бистромъ съ полкомъ гвардейскихъ егерей занялъ деревню Бородино. На лѣвомъ берегу маленькой рѣчки Колочи осталось нѣсколько казачьихъ полковъ, чтобы прикрыть пространство между этой деревней и концомъ нашего праваго фланга.

„Послѣ полудня непріятель съ довольно значительными силами произвелъ рекогносцировку на нашемъ лѣвомъ флангѣ; при этомъ произошло довольно жаркое дѣло; когда бой окончился съ наступленіемъ сумерекъ, обѣ стороны потеряли нѣсколько тысячъ человѣкъ; мы потеряли пять орудій, а непріятель восемь, и въ его рукахъ остались высоты позади деревни Шевардино, на которыхъ онъ поставилъ часть своихъ силъ.

„Во время битвы я поѣхалъ на лѣвый флангъ, къ командовавшему имъ князю Багратиону. Генералъ исполнилъ присоединился къ моему мнѣнію, что Наполеонъ атакуетъ со своими главными силами нашъ лѣвый флангъ; онъ предвидѣлъ то, что могло случиться, если бы наша армія осталась долѣе на занятой ею позиціи, такъ что нашъ лѣвый флангъ былъ бы отбѣсненъ съ урономъ. Я общалъ ему представить главнокомандующему, какой опасности подвергалась эта часть